

Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык», 1977. 764 с.
Сусеев А. И. О поэтической образности Джанга-риады. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 55 с.

Сусеева Д. А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Избранное. Элиста, 2009. 991 с.

УДК 81=512.31

ББК 81.2 БУ

О ПРАКТИЧЕСКОЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)

Б. Д. Цыренов

Традиция составления словарей имеет историю длиной не в одно тысячелетие. Первые словари датируются XXV в. до н. э. (гlossарии времен шумерской цивилизации), в Китае словари появились в XX в. до н. э., а в Древнем Египте — в XVIII в. до н. э. Первые русские гlossарии — предшественники словарей — были составлены в XI в. уже нашей эры. Зарождение монгольской лексикографии монгольские исследователи относят к IV в. н. э., эпохе сяньби. В этот период был составлен трехтомный словарь различных наименований государственного языка («Төрийн хэлээрхи олон зүйл нэрийн толь бичиг» 3 дэвтэр) [Цыренов 2011: 114]. Первые записи слов бурятского языка в путевых дневниках русских путешественников, служилых людей, представлявшие собой простейшие вокабуляры, были сделаны в XVIII в. [Будаев 1992: 6–8].

Термин «лексикография» впервые встречается в *Etymologies Magnum*, в неопубликованной работе (приблизительно XI–XII в. н. э.), в виде *lexiko-graphos* [Дубичинский 2009: 17]. По определению М. В. Моисеева, «словарь — это определенным образом организованное собрание слов, снабженных комментариями, в которых описываются особенности их структуры и / или функционирования» [Моисеев 2006: 6]. Но, пожалуй, самым точным, емким и, в то же время, предельно лаконичным признано определение Вольтера: «Словарь — это вселенная в алфавитном порядке», развивая далее свою мысль, один из величайших умов Запада говорит: «Собственно говоря, словарь есть книга в самом широком значении слова, все другие книги содержатся в ней: суть лишь в том, чтобы извлекать их

из нее» [цит. по: Дубичинский 2009: 397]. Эта мысль как нельзя более точно характеризует суть одноязычной лексикографии, толковых словарей. Ведь именно толковые словари литературного языка, прежде всего, опираются на изданные классические произведения на данном языке.

Лексикография в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» определяется как «Раздел языкознания, занимающийся практикой и теорией составления словарей» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 258]. Неудивительна постановка авторами энциклопедии на первое место практики, а не теории, поскольку практика, образно говоря, старше теории на 45 веков, которая начала свою историю лишь с середины XX в. н. э. Составление словарей, пожалуй, единственная область человеческой деятельности, получившая свое теоретическое осмысление с таким опозданием.

О зарождении словарного дела, его развитии от первых простейших образцов словарей до современного их вида в печатном исполнении, имея в виду лексикографию западных (европейских) языков, М. В. Моисеев пишет: «Словари в том виде, к которому мы привыкли, имеют сравнительно позднее происхождение. Они появились в период, последовавший за изобретением и распространением в Европе книгопечатания в середине XV века» [Моисеев 2006: 6]. Предшественниками словарей явились гlossарии, представлявшие собой списки непонятных, труднопереводимых слов, встречавшихся в древних канонических, религиозных текстах. Гlossарии обычно присоединялись к тем текстам, из которых были выписаны и переведены и / или растолкованы слова,

составляющие его. Первые глоссарии были в основном рукописными, с них делались многочисленные копии, а с появлением многотиражного книгопечатания и вместе с этим удешевления производства книг, «словари оказались в числе первых печатных изданий» [Моисеев 2006: 6].

На рубеже XX–XXI вв. теоретическая лексикография вступила в период своего бурного развития, в 1990–2010 гг. защищено около ста кандидатских и докторских диссертаций как по общим теоретическим вопросам, так и по частным, по лексикографии глобальной, национальной и региональной. Наиболее авторитетными российскими теоретиками лексикографии в наше время являются Ю. Д. Апресян, В. П. Берков, В. Г. Гак, П. Н. Денисов, Б. Ю. Городецкий, В. В. Морковкин, Ю. Н. Караулов, Л. С. Ковтун, В. В. Дубичинский, Ф. П. Сорокалетов и др. Патриархами теоретической лексикографии считаются Л. В. Щерба [1974] и Х. Касарес [1958].

Тем, кто занимался изучением истории, теории и практики составления словарей, вел или ведет курс лексикологии или лексикографии, знакомы ставшие в настоящее время без преувеличения основополагающими труды В. П. Беркова «Вопросы двуязычной лексикографии. Словник» (Л., 1973), «Слово в двуязычном словаре» (Таллин, 1977), относительно недавно, в 2004 г., в издательстве «Астрель» (Москва) вышло его учебное пособие «Двуязычная лексикография». Размышления Ю. Д. Апресяна нашли отражение в ряде его исследований, вошедших во второй том избранных трудов [Апресян 1995]. Своеобразным обобщением, результатом деятельности его школы стала коллективная монография «Языковая картина мира и системная лексикография», вышедшая под его редакцией [2006].

Известный лингвист П. Н. Денисов посвятил большое количество работ вопросам лексикографии, среди которых «Очерки по русской лексикологии и лексикографии» (М., 1974), «Основные проблемы теории лексикографии» (дис. ... д-ра фил. наук, М., 1976), «Лексика русского языка и принципы её описания» (Изд. 2-е; М., 1993) и др. Кроме таких крупных трудов были и другие, затрагивающие многие общие и частные проблемы лексикографии. Институтом языкознания АН СССР издано пять выпусков «Лексикографического сборника», в которых обсуждались насущ-

ные проблемы русской и национальной лексикографии (1957–1963), принципам составления национальных толковых словарей было посвящено V Всесоюзное лексикографическое совещание в Институте языка и литературы АН Киргизской ССР (Фрунзе, 1964). В работе этого совещания приняли участие ведущие бурятские языковеды Т. А. Бертагаев, У-Ж. Ш. Дондуков. Т. А. Бертагаев в своем выступлении затронул проблему разграничения полисемии и омонимии, классификации сложных слов в монгольских и тюркских языках, генетически восходящих к словосочетаниям. Критерий непроницаемости, по мнению ученого, послужит надежным средством определения сложного слова, наряду с критерием цельнооформленности [Материалы V Всесоюзного лексикографического совещания 1964: 83]. Следует заметить, что этот острейший вопрос, один из самых дискуссионных, не решен до сих пор.

В первом десятилетии XXI в. были опубликованы интересные учебные пособия, монографии, обобщившие в определенной степени результаты исследований по теории и практике лексикографии. Это, в первую очередь, обстоятельное учебное пособие В. В. Дубичинского «Лексикография русского языка» (М., 2009), пособие для педагогических вузов В. А. Козырева и В. Д. Черняк «Русская лексикография» (М., 2004), основывающееся на их монографии «Вселенная в алфавитном порядке» (СПб., 2000), Э. Г. Шимчук «Русская лексикография» (М., 2003), работы по английской лексикографии О. М. Карпова (М., 2010), М. В. Моисеева (Омск, 2006) и т. д.

По различным общим и частным вопросам лексикографии, истории становления и развития национальной лексикографии разных народов защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций, причем большая часть в 1990–2010 гг. Среди них диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук О. Н. Иваннищевой «Лексикографирование культуры в двуязычном словаре» (2005), В. В. Дубичинского «Теоретическое и лексикографическое описание лексических параллелей» (1995), М. С. Колесниковой «Лексикографический аспект лингвострановедения» (2003), М. А. Бобуновой «Фольклорная лексикография: становление, теоретические основания, практические результаты и перспективы» (2004) и множество других.

Таким образом, к рубежу XX–XXI вв. появление большого количества словарей разных типов потребовало теоретического осмысления структуры словарей, методов презентации и дефиниции в них слов, фразеологических единиц, семантико-стилистических средств языка и т. д.

В Монголии достаточно редко выходили в свет статьи, посвященные словарям, и касались они в основном словарей прошлого. В бурятском языкознании вопросы теоретической лексикографии остаются без внимания, не считая рецензий на издававшиеся словари, которые не содержали теоретического анализа, а просто описывали словари, указывая на их позитивные и негативные стороны. Между тем, более пятидесяти лет тому назад Л. Д. Шагдаров писал: «Также назрела потребность теоретически обобщить то, что сделано в области лексикографии, ибо у нас работа по составлению словарей ведется на ощупь без опоры на теоретические обобщения опыта лексикографической работы» [Шагдаров 1958: 156]. Однако этот посыл остался без реального ответа, и решение теоретических вопросов бурятской лексикографии безнадежно отстало от практики.

Одним из первых полноценных словарей бурятского языка является «Русско-монголо-бурятский словарь» И. А. Подгорбунского, увидевший свет в 1909 г. [Подгорбунский 1909]. Автор словаря подчеркивает в предисловии, что словарь отражает живой разговорный бурятский язык: «Этой основной целью определяются некоторые особенности заключающего в «Словаре» материала и расположения последнего. Во-первых, монголо-бурятские слова даются в Словаре не в той форме, в какой их принято изображать в письменном монгольском языке, а в той, в которой они встречаются в живых разговорных диалектах...» [Подгорбунский 1909: I].

В советский период и в наше время создано довольно значительное количество словарей бурятского языка: 1) толковые словари («Краткий толковый словарь бурятского языка», «Тематический толковый словарь бурятского быта»); 2) двуязычные (переводные) (первые – Русско-монголо-бурятский переводчик Н. А. Болошинова и Русско-монгольско-бурятский словарь А. Подгорбунского, а новейшие и самые крупные – «Бурятско-русский словарь» в 2-х томах (Улан-Удэ, 2006, 2008) и «Рус-

ско-бурятский словарь» (Улан-Удэ, 2008); 3) 6 терминологических словарей; 4) несколько орфографических словарей (самый крупный из них – «Орфографический словарь бурятского языка», 1962); 5) словарь синонимов; 6) сравнительный словарь бурятских диалектов (автор — Ц. Б. Будаев); 7) несколько учебных словарей разного типа (переводные, терминологические); 8) фразеологический словарь переводного типа (автор — Ш-Н. Р. Цыденжапов); 9) паремиологические (2 словаря).

Такой достаточно внушительный корпус словарей, как мы уже говорили выше, не становился объектом серьезного научного анализа. В своей статье «Некоторые вопросы составления бурятско-русского словаря» Ц. Б. Цыдендамбаев выступил с критикой на автора «Бурят-монгольско-русского словаря» К. М. Черемисова по поводу включения им в словник неоправданно большого количества диалектных слов, не вошедших в литературный язык [Цыдендамбаев 1969: 117]. Кроме того, Ц. Б. Цыдендамбаев выражает недовольство тем, что в словаре в качестве самостоятельных заголовочных единиц даны различные падежные формы имен и наречий, например, по его мнению, не должны были бы включаться в словарь такие слова, как: *гумалтай* 'имеющий обувь, обутый', *хубүүтэй* 'имеющий сына', *гэртэй* 'имеющий дом, с домом' и т. д. [Цыдендамбаев 1969: 123]. Безусловно, слова, сохраняющие в форме совместного падежа свое предметное значение, не следует давать отдельными словарными статьями.

Следующее издание этого словаря было осуществлено в 1973 г. с учетом критических замечаний ученых-бурятоведов, журналистов, учителей-практиков. Автор значительно расширил словник, включив в него 44 тыс. слов, вместо прежних 25 тыс. В статье «К выходу „Бурятско-русского словаря“ К. М. Черемисова» редактор этого издания Н. А. Очиров дал труду высокую оценку [Очиров 1973].

Следует остановиться на оценке «Русско-бурятского словаря» 1954 года издания. Т. А. Бертагаев в статье, которая так и называется – «О русско-бурятском словаре», восторженно отзывается об этом труде. Тем не менее, и он находит некоторые отрицательные моменты в его содержании, в частности указывает на то, что словник «не содержит многих слов, необходимых в переводческой и вообще в лингвистической практике»

[Бертагаев 1955: 169]. Кроме того, большую досаду автора вызывает то, что составители словаря мало привлекали слова из диалектного пласта и устного народного творчества и редкие случаи несоответствия между русскими и бурятскими словами. В заключение Т. А. Бертагаев отмечает в том же восторженном тоне: «Вообще разбираемый нами словарь в дальнейшем будет являться богатейшим источником для лиц, занимающихся исследованием словарного состава бурят-монгольского языка. И если его перевернуть, то можно из него сделать, с учетом всех указанных выше пожеланий, великолепный бурят-монгольско-русский словарь» [Бертагаев 1955: 176–177].

В арсенале бурятской лексикографии имелись три академических двуязычных словаря, ряд других словарей, но ощущалась настоятельная необходимость в подготовке большого толкового словаря. В 1988 г. Ц. Б. Цыдендамбаев в статье «Проблемы составления толкового словаря бурятского языка» обозначил ориентиры, на которые следует держать курс при составлении такого словаря. По сути, статья представляла собой инструкцию, в которой скрупулезно разобраны все теоретические моменты, оговорена практическая реализация данного проекта. Несмотря на большой объем проделанной предварительной работы, общий толковый словарь все еще находится в стадии составления до сего времени.

Академические словари аккумулируют в себе практически весь лексический состав языка, но при этом поднимают множество лингвистических проблем, в том числе о грамматическом статусе различных форм слова, как, например, статус некоторых падежных форм, проблема сложных слов в бурятском языке, соотношение кодифицированной и диалектной форм языка и т. д. В словаре, представляющем собой некую матрицу языка, наглядно видны не только его лексическое богатство, но и многие проблемные моменты, которые ждут своего решения.

Таковы результаты практической словарной работы и первые, пока еще бессистемные, попытки осмыслить в теоретическом плане имеющийся опыт. Развитие гуманитарной науки, ее интеграция с высокими технологиями предполагают в настоящее время выход на составление корпусов языка, лексических, грамматических и фонетических баз данных на электронных носителях, словарей интерактивного плана —

все это дело совсем недалекого будущего, практически задача наших дней, но прежде чем перейти к этому этапу, необходимо теоретически обобщить опыт бурятской лексикографии в традиционном плане.

Литература

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
- Бертагаев Т. А. О русско-бурят-монгольском словаре // Записки БМНИИК. Вып. XX. Улан-Удэ, 1955. С. 163–177.
- Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск: Наука, 1992. 217 с.
- Дубичинский В. В. Лексикография русского языка. М.: Наука-Флинта, 2009. 432 с.
- Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958. 256 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / под общ. ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.: ил.
- Материалы V Всесоюзного лексикографического совещания. Фрунзе: Илим, 1964. 89 с.
- Моисеев М. В. Лексикография английского языка: учебно-метод. пособ. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 92 с.
- Очиров Н. А. К выходу «Бурятско-русского словаря» К. М. Черемисова // Байкал. 1973. № 6. С. 124–126.
- Подгорбунский И. А. Русско-монголо-бурятский словарь. Иркутск: Тип. Маркушина и Посохина, 1909. 340 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Некоторые вопросы составления бурятско-русского словаря // К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969. С. 117–129.
- Цыренов Б. Д. К истории монгольской лексикографии (истоки бурятской лексикографии) // Вестник БГУ. 2011. Вып. 8. С. 114–118.
- Шагдаров Л. Д. История разработки лексикологии и лексикографии бурятского языка // К 35-летию Института культуры. Улан-Удэ, 1958. С. 137–156.
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265–312.
- Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с. (Studia philologica).